

Услышав тон Цзин Шо, Дуань Юньшэнь вдруг вспомнил одну фразу — говорят, что жители Сычуани, чтобы удержать человека, говорили самое униженное: «Ладно, пусть будет слабый острый вкус!»

Ему показалось, что фраза Цзин Шо «„Пять в ряд“» имела схожий смысл.

Дуань Юньшэнь невольно улыбнулся, думая, что этот тиран довольно милый.

Его улыбка ещё не успела исчезнуть, как вдруг снаружи раздался пронзительный голос евнуха:

— Её величество Великая вдовствующая императрица прибыла.

Дуань Юньшэнь и Цзин Шо оба замерли.

Цзин Шо, казалось, о чём-то подумал, нахмурился и вдруг сказал:

— Уходи сейчас.

— А? Я? Сейчас?

— Сейчас.

Дуань Юньшэнь попытался, как обычно, спрятаться под столом, но Цзин Шо схватил его:

— Великая вдовствующая императрица — не обычный человек, здесь не спрячешься.

Дуань Юньшэнь: ????

Великая вдовствующая императрица передвигается с огромной свитой. Если я сейчас выйду, даже через окно, риск быть пойманным очень высок!

Дуань Юньшэнь, будучи простым человеком, почувствовал себя так, словно его поймали на месте преступления. Он был в панике, не зная, куда спрятаться.

В момент, когда их взгляды встретились, Цзин Шо вдруг схватил Дуань Юньшэня за воротник, и тот невольно наклонился к нему.

«Чмок —»

Дуань Юньшэнь замер.

Цзин Шо поцеловал его в лоб.

Дуань Юньшэнь:

Зачем ты меня поцеловал?!

...У меня же нет сиропа от кашля!

— Уходи сейчас.

— А? — Дуань Юньшэнь словно лишился души, его мозг полностью отключился, он не мог думать.

— Раз уж ты пришёл, не могу отпустить тебя с пустыми руками. Сегодня уходи.

— О...

Нет, что это за «о»? Что значит «не могу отпустить с пустыми руками»?

Ты же не дал мне конверт с деньгами!

В голове Цзин Шо всё крутилось быстро:

— Сегодня, вернувшись во дворец, скажи, что заболел. Кто бы ни пришёл, никого не принимай, никому не уступай.

— А?

— Ты сейчас в фаворе, будь наглее.

— О...

Дуань Юньшэнь, совершенно растерянный, был выдворен Цзин Шо. Когда он перелезал через окно, его мозг всё ещё был в полной неразберихе.

Не успел он отбежать на несколько шагов, как столкнулся с Фан Ю и отрядом стражников.

Дуань Юньшэнь:

Фан Ю:

Стражи:

Все уставились друг на друга на пару секунд, затем Фан Ю вдруг отвернулся, делая вид, что ничего не видит, и указал в другую сторону:

— Вы видите, там вроде что-то мелькнуло?

— Действительно, что-то есть.

— Наверное, кошка.

— Да, в последнее время во дворце много кошек, которые любят бегать в этом районе.

— Пойдём проверим?

Дуань Юньшэнь:

Ещё когда его поймал Сян Июэ, он почувствовал странность: почему я вдруг стал похож на его мать?

Дуань Юньшэнь посмотрел на эту группу, которая смотрела в другую сторону и явно врала:

— Господа...

— Почему эта кошка не убегает?

— Да, нам сложно!

— Ох, как же я устал.

Дуань Юньшэнь:

Прощайте.

Дуань Юньшэнь быстро вернулся в свой дворец.

Сяо Гоуцзы, увидев, что его госпожа вернулась так рано, удивился: неужели вчерашняя ночь истощила её? Почему она вернулась так рано?

Дуань Юньшэнь, вернувшись в свою комнату, даже не поговорил с Сяо Гоуцзы, а начал размышлять над философскими вопросами.

Философский вопрос первый: почему тиран поцеловал меня, если я не просил об этом?

Философский вопрос второй: почему стражники сделали вид, что не видят меня?

Дуань Юньшэнь думал до тех пор, пока его мозг не запутался окончательно, и в конце концов отказался от этих вопросов, отправив Сяо Гоуцзы разузнать, что происходит во дворце Цзин Шо.

Великая вдовствующая императрица пришла к нему глубокой ночью, неужели она принесла яд?

Нельзя винить Дуань Юньшэня за то, что он думал только о яде, ведь именно такое впечатление оставила на нём эта старуха-лисица.

Дуань Юньшэнь не слишком ошибался. Великая вдовствующая императрица действительно принесла Цзин Шо лекарство, но, кроме этого, у неё были и другие дела.

Она с улыбкой наблюдала, как Цзин Шо выпил чашу с лекарством, словно он пил не специальный яд, а какой-то сладкий тонизирующий напиток.

На лице Цзин Шо не было никаких эмоций, он просто поставил нефритовую чашу на поднос, который держала служанка, и сказал:

— Бабушка, вы пришли сегодня ночью не только ради этого, верно?

Великая вдовствующая императрица улыбнулась:

— Просто соскучилась по своему внуку и зашла поведать.

Цзин Шо не проявил никакой реакции.

Великая вдовствующая императрица продолжила:

— А где же тот котёнок, который всё время приходит к тебе? Спрятался?

Цзин Шо улыбнулся:

— У меня здесь спрятался котёнок? Где?

Если бы Дуань Юньшэнь был пойман здесь, Великая вдовствующая императрица могла бы сразу обвинить его.

Великая вдовствующая императрица не стала настаивать, лишь улыбнулась:

— Не беспокойся, я сегодня пришла не ради твоего котёнка.

— Мне нужно, чтобы ты издал указ.

Цзин Шо не возражал:

— Бабушка, говорите.

Честно говоря, Цзин Шо не заботился о троне и империи.

Он сидел на троне, в его руках было множество ресурсов и сил, но эти ресурсы никогда не использовались для укрепления его власти или стабильности империи.

Для него не имело значения, кому принадлежит империя или какую фамилию она носит.

Он хотел лишь увидеть, как империя рухнет, а народ погрузится в страдания, чтобы все люди мира оказались в аду, в котором он когда-то находился.

Поэтому Цзин Шо никогда не думал о том, чтобы помочь Великой вдовствующей императрице подавить партию князя Цзя или использовать её силы для укрепления своей власти.

Ему больше нравилось наблюдать, как эти две стороны борются друг с другом, истощая свои силы.

Указ был составлен и скреплён нефритовой печатью. В нём говорилось о строительстве летнего дворца для отдыха. В настоящее время казна, опустошённая войной с царством Наньюй и прошлым наводнением в Цзяннани, была почти пуста, и строить что-то новое было неразумно.

Однако это не имело значения для Цзин Шо.

Он уже был известен как тиран, и если бы он не жил в роскоши и не облагал народ тяжёлыми налогами, разве это соответствовало бы его репутации?

Великая вдовствующая императрица, однако, не собиралась уходить и заговорила о смерти Чэнь Сяньяня.

Великая вдовствующая императрица, находясь в задворках дворца, не могла вмешиваться в дела двора, и ей нужно было давление императора, чтобы заставить чиновников, расследующих это дело, быстро его завершить.

Чем скорее дело Чэнь Сяньяня будет закрыто, тем спокойнее будут спать члены партии Великой вдовствующей императрицы, связанные с ним.

Цзин Шо, естественно, не возражал. В данный момент Чэнь Юйтин уже был в руках Хэ Цзюэ, и если дело будет закрыто сейчас, его всегда можно будет вновь открыть, используя Чэнь Юйтин.

Обсудив различные дела двора, Цзин Шо ожидал, что Великая вдовствующая императрица снова заговорит о наложнице Юнь.

Однако Великая вдовствующая императрица намеренно не упомянула её. Она легко обошла

этот вопрос и ушла.

Цзин Шо почувствовал ещё большее беспокойство.

Если бы все эти дела были действительно связаны с двором, его бабушка предпочла бы вызвать его во дворец Чанлэ, а не приходиться к нему сама.

Более того, она пришла именно в тот момент, когда Дуань Юньшэнь вошёл в его дворец.

Она пришла проверить его отношение?

Великая вдовствующая императрица сидела в своём паланкине, возвращаясь во дворец, опираясь головой на руку, с лёгкой усталостью:

— Старость не радость, я уже не такая, как эти молодые, у которых ещё есть силы встречаться ночью, перелезая через окна.

Сопровождавшая её Чуньюй спросила:

— Ваше величество, вы сегодня чего-то добились?

Великая вдовствующая императрица, слегка прикрыв глаза, усмехнулась:

— Редко вижу, чтобы Шо так нервничал. Обычно, когда мы обсуждаем дела двора, он выглядит холодным и равнодушным. А сегодня, хех, он явно ждал, когда я заговорю о его наложнице Юнь. Видно, что он всё продумал, вероятно, уже рассчитал, как я спрошу и как он ответит.

Чжилань, стоящая рядом, с пренебрежением сказала:

— Этот безумный император — глупец, он даже не знает, насколько мудра ваше величество. Он зря готовился. Ваше величество намеренно не спросили его, посмотрим, что он теперь будет делать!

Чуньюй спросила:

— А что намерена сделать ваше величество?

— Он уже так нервничает, значит, он действительно привязался. Тогда не будем с ним советоваться, выберем время и просто «подарим» наложнице Юнь лекарство, приготовленное Чжан Цзинчжи. Если сначала обсудить это с Шо, это только вызовет проблемы.

— ...А если этот безумный император взбесится?

«Старуха-лисица» — уничижительное прозвище, данное Дуань Юньшэнем Великой вдовствующей императрице, подчёркивающее её коварство и хитрость.

<http://bllate.org/book/16211/1455635>